

Певцов — гора мышц, кошачья пластика и глаза брошенной собаки. Он из второго звездного поколения Ленкома. Его взлет был ярким и стремительным. Широкая известность пришла после первого же русского боевика «По прозвищу Зверь». После фильма Панфилова «Мать» — премия «Феликс» (европейский эквивалент «Оскара») за лучшую мужскую роль второго плана. Вся его жизнь — работа.

Он и с женой-то, Ольгой Дроздовой, познакомился на съемках очередного фильма, и с тех пор прошло уже шесть лет, как они вместе. О страсти к работе говорит еще и тот факт, что детей эта странная супружеская чета пока так и не нажила. «Бог даст, все еще впереди», — отреагировал на это мое замечание сам Дмитрий.

— Ваш отец — заслуженный тренер СССР по конному пятиборью, мама — конница, спортивный врач. Вы сами активно занимались различными видами спорта. Почему вас вдруг потянуло в актерство?

— В моем организме, вероятно, детства существовала потребность демонстрировать себя. В детском саду я был «зайчиком», в школе — хулиганом... Эта потребность, несмотря на то, что я из спортивной семьи, привела в театр. Вначале я не думал о профессии театрального актера. Все мои представления об этом ремесле смыкались на кино. Потом оказалось, что театр гораздо интереснее.

— Славы искали?

— Сначала только показывать себя хотелось. А потом, по ходу овладения профессией, пришло и то желание, о котором вы говорите.

— А период вашей работы на заводе с чем связан — желанием все попробовать?

— Я не поступил в педагогический институт, в который собирался по стопам старшего брата. И слава Богу, что так получилось — было время подумать. Пошел работать в ЦКБ «Алмаз» фрезеровщиком. Это было

ров новой формации: мобильные, красивые, умные, способные делать и играть все. А есть ли то, чего вам не хватает?

— Качественной режиссуры в кино и вообще фильмов. Мы немножко попадаем, но этого недостаточно. Кино — это очень хорошая школа. Опыт, который необходим актеру. А этого, наверное, нам и не хватает. Хотя трудно говорить за все поколение... Я лично не страдаю от отсутствия киноопыта. Раньше, может быть, мне не хватало какой-то наглости, самодостаточности. Сейчас с этим все в порядке.

— Наглость — необходимое условие для успеха в театре?

— Да. Наглость — это некая свобода и самоуважение, которых нередко не хватает актеру.

— Как вам удалось, будучи молодым актером, сыграть столько главных ролей? Могли бы ведь еще лет 10 выносить подносы в массовке.

— На самом деле я не такой уж молодой, мне будет в этом году 34... Мне очень везло и продолжает везти. Это тот вариант, о котором Пельтцер говорила: «99 процентов — случая, 1 — таланта». Мне таких случаев судьба дает

— Роль борца за справедливость вам удалось сыграть и в жизни. Расскажите о вашем скандальном уходе из Таганки.

— На самом деле это был не скандальный уход. Скандал заключался в моем открытом письме, которое опубликовала одна газета. А ушел я очень тихо, примерно через год после всей этой истории. Я восстал против того, что делал Губенко в театре после смерти Эфроса.

— Откуда такая прыть у 24-летнего актера?

— Я боролся за себя. И поступок этот был нужен мне. Как человеку, который работал с Эфросом, и ценил его, и любил как мастера, художника и учителя. Меня ужасно раздражало все, что происходило в театре после его ухода. Нужно было либо хлопнуть дверью, либо каким-то образом выразить свое отношение. А уходить я не хотел, потому что играл замечательные главные роли, это была моя работа. Значит, оставалось второе.

— А если сложится такая ситуация в Ленкоме, тоже восстанете?

— Не люблю говорить в сослагательном наклонении.

— Вы человек конкретный. В таком случае у вас должны быть какие-то цели в жизни.

— Нет. Просто работаю в свое удовольствие.

лаю, что нет, что мог бы сделать. Обычно серьезной критики очень мало. Поэтому к тому, что пишут, отношусь очень скептически.

— То есть вы не считаете себя слабым актером?

— Я знаю свои сильные и слабые стороны.

— Сильные — это какие?

— Не скажу. Смотрите на меня на сцене.

— Вы уверенный в себе актер?

— Сейчас, наверное, да.

— А чем подкрепляется эта уверенность?

— Количественно часов, лет и дней, проведенных на сцене. И опытом.

— Вас самого удовлетворяет то, что вы делаете в кино и театре?

— В кино у меня были буквально две серьезные работы, все

ния и желания. Поскольку у меня такое серьезное спортивное прошлое, многие навыки остались еще с детских лет. Потом, многие спектакли требуют специальной пластической и акробатической подготовки. Занимаюсь по 2—3 часа, но не каждый день.

— В 33 года уже можно подводить какие-то итоги. Как вы считаете, судьба сложилась удачно?

— Конечно, сложилась! Еще как! Дай Бог каждому такую судьбу. Но я не собираюсь подводить никаких итогов. Я живу. Считаю, что все только начинается. Жить я буду долго и работать столько же.

— Кто это вам сказал?

— Я знаю это. Чувствую так.

— Такой уверенный, просто жуть! Сейчас еще выяснится, что и пороков у вас — ни одного, и денег — пруд пруди?

— Я чем дальше живу, тем больше становится денег. Даже не знаю, почему так происходит.

— У вас, как у старших ленкомовских товарищей, тоже есть и мобильный телефон, и импортная тачка?

— Телефона нет. Езжу на скромной «Ниве». Правда, раньше была богатая машина, но пришлось с ней расстаться при печальных обстоятельствах. Отдал за долги друзей. А те люди, которых я выручил, деньги не вернули. Сам виноват.

Дмитрий ПЕВЦОВ:

«Власть

над зрителями —

это наркотик»

подшефное предприятие школы, где я проходил обучение на УПК. Проработал 4 месяца и 20 дней.

— Стаж, внушительный для будущего педагога...

— Я пошел в педагогический, потому что многое там знал и легко ориентировался. Потом, мне была интересна биология, ихтиология. А для того, чтобы поступать в МГУ, нужно сдавать математику. Я бы ее не потянул. Так по воле волн поплыл... и не получилось.

— Театр — все же странный выбор для спортсмена, ведь профессию актера не всякий назовет мужским занятием?

— Меня жена воспринимает как мужчину и не жалуется уже 6 лет. Профессия такая, я цитирую Кончаловского, «блядская». Ну, есть в ремесле качество одно — я должен нравиться зрителю, меня должны полюбить. Это составная часть профессии. Не мужская, наверное. Я согласен, это есть.

— Вы олицетворяете собой акте-

предостаточно. По-моему, я не должен анализировать, заработанный он или нет, — не мое дело. Но когда подворачивается случай, я стараюсь его использовать.

— Трудно не засветиться, работая с Эфросом, Витюком, Захаровым?

— Что значит «засветиться»?

— Обратит на себя внимание критиков.

— На самом деле после работы с Эфросом и Витюком я не стал знаменитым, не прославился. Меня знали критики, театралы. Не более того. А настоящая слава и успех приходят после средних актерских работ, но в хорошо прокатанных фильмах. По типу фильма «По прозвищу Зверь».

— Вам не претило после фильма аналогии — русский Рэмбо, отечественный Слай?

— Нет, абсолютно! Если хотят сравнивать, пусть. Я занимаюсь своим делом. И нахожусь, надеюсь, в процессе какого-то профессионального самосовершенствования.

— А мечты оставить след в профессии, грезы о лаврах великого актера современности?

— Раньше меня посещали подобные юношеские мечты. Особенно когда читал дневники знаменитых актеров. Думал: а что я оставлю после себя? Сейчас — другое, это от меня не зависит.

— Многие зависят от режиссеров. Как вы строите свои взаимоотношения с ними, почему у них возникает желание задействовать именно вас?

— Отношения строю на полном послушании. Я очень послушный артист.

— Посредственность актера в кино компенсируется выигрышной внешностью и хорошим режиссером, в театре это скрыть труднее. Вас не беспокоят мнения некоторых критиков, сомневающихся в вашем актерском даровании?

— На самом деле все свои слабые стороны я знаю лучше критиков. По каждому своему спектаклю могу написать отдельно: что я там де-

остальное — использование наработанных вещей в театре, которые по процессу мне мало интересны. А вот в фильмах «Мать» Панфилова и «Линия жизни» Лунгина меня задействовали в каком-то новом качестве, раскрыли новые грани индивидуальности.

— Так разрекламированный третий фильм Лунгина «Линия жизни» оставляет жуткое впечатление...

— Вообще должна была быть черная сказка с юмором. Наверное, не получилось... Но я за фильм не отвечаю, только за себя.

— А не кажется, что ваши внешние данные отвлекают от актерского потенциала? Внешность не мешает?

— Только помогает. И вообще, на самом деле я талантливый.

— Что касается вашей внешности, которой вы выгодно отличаетесь от других не столь физически развитых актеров, скажите, как вы сохраняете свою форму? Качаетесь, как в старые добрые времена, молитесь кулаками по грушам и тому подобным приспособлениям?

— Здесь все зависит от настрое-

Так мне и надо... Это как в случае с преодолением собственной лени. Все остальное легко переносится...

— Даже трудно представить себе, кем надо сегодня быть, чтобы позволять себе лениться!

— Степени лени бывают разные. Я могу репетировать 3 спектакля в день, а могу сутками валяться. Все зависит от конкретной ситуации. Знаю, например, что мне надо выучить английский язык. Но не учу, хотя хорошо бы... Периодически он мне пригодился бы. Но поскольку я владею французским и итальянским, лень как бы оправдывается.

— Английский нужен, естественно, для покорения Голливуда?

— Нет. Когда-то я мечтал об этом. Но сейчас понял, что это ерунда. Там то же самое, но немножко другого цвета, вкуса.

— И потому вы предпочитаете выходить на сцену здесь. Ради чего?

— Ради власти над зрительным залом. Это тот наркотик, который мне очень нравится. Почему люди рвутся к власти, хотя это сопряжено с проблемами, связанными на пути к ней? Потому что испытываешь сладкие чувства, когда сидишь или стоишь один на сцене, и как бы ты ни повернулся, знаешь, что на тебя будут смотреть и слушать. Это чувство контакта и власти опьяняет. И радует.

Ирина ТАГИРОВА.

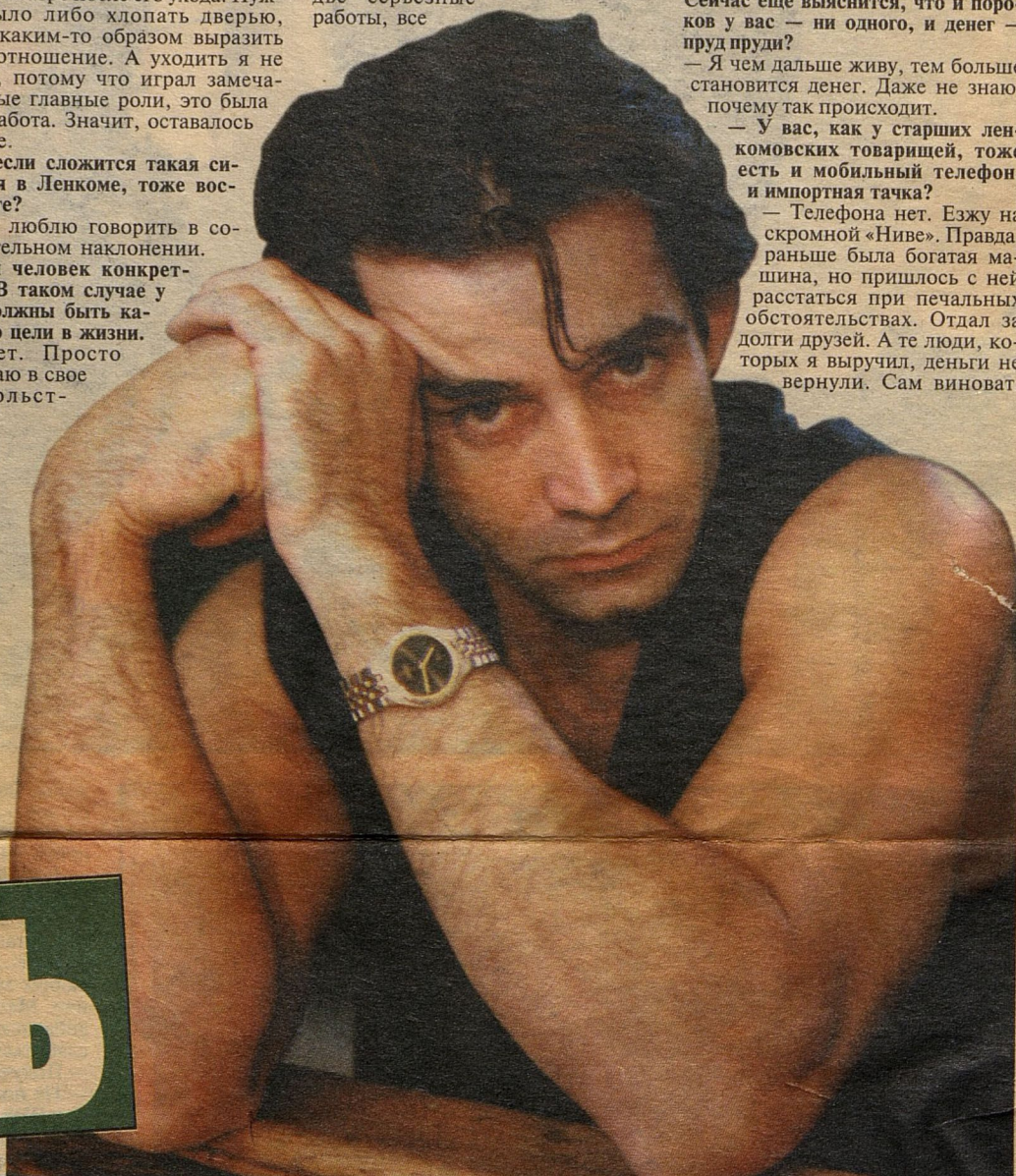

фото Виктора Горячева

Тедер Дев.

11.97